

С. А. ПЕШТИЧ

О новом периоде в русской историографии и о так называемых официальных петровских летописцах

А. Н. Насонов в содержательных и ценных статьях «Летописные памятники хранилищ Москвы. (Новые материалы)» и «Материалы и исследования по истории русского летописания»¹ впервые указал на группу «летописцев» конца XVII—начала XVIII в. Новые материалы о летописании позднего времени позволили А. Н. Насонову выразить сомнение в правильности утверждения тех историков (А. Ф. Бычков и В. С. Иконников), которые считали, что «летопись в глазах Петра не имела официального значения», и высказать соображение об официальном характере летописи конца XVII—начала XVIII в. «Данные о личном участии Петра в организации летописного дела согласуются с наблюдениями о составе и назначении петровских летописцев»² — таков главный вывод автора, подводящий к пересмотру вопроса о датировке летописного периода в русской историографии и уже нашедший поддержку в литературе.

С. Н. Азбелев на основании изучения новгородских сводов XVII в., присоединяясь к точке зрения А. Н. Насонова, с еще большей настойчивостью высказал свое мнение по этому поводу. «Объем новгородских сводов XVII в., — пишет он, — их официальный характер, обилие и разнообразие используемых источников заставляют изменить представление о загущении летописания в этом столетии».³

*

Вопрос о том, когда начинается новый период в русской историографии не может не иметь теоретического и практического значения.

Д. С. Лихачев датирует летописный период русской историографии XI—XVI вв.⁴ Что касается XVII в., то, по его заключению, в это время «государственное значение летописания гаснет». Летопись, переставая быть государственным предприятием, становится «по преимуществу частным делом отдельных авторов».⁵

---

¹ Проблемы источниковедения, т. IV. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 243—285; т. VI, М., 1958, стр. 235—274.

² Там же, т. IV, стр. 281.

³ С. Н. Азбелев. Новгородское летописание XVII века. (Новгородская Уваровская летопись, Новгородская третья, Новгородская Забелинская и Новгородская Погодинская летописи). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1958, стр. 19.

⁴ Д. С. Лихачев. О летописном периоде русской историографии. — ВИ. М., 1948, № 9, стр. 21—40.

⁵ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 375.

М. Н. Тихомиров в «Очерках истории исторической науки в СССР» считает новым периодом русской историографии, пришедшим на смену летописному, XVII в. То новое, что появилось в русской историографии в XVII в., и в особенности во второй половине столетия, следуя выводам М. Н. Тихомирова, сводится: во-первых, к расширению круга авторов, занимающихся историей; во-вторых, к возникновению произведений, только внешне сохраняющих вид летописи, но по существу совершенно отходящих от старой летописной традиции, т. е. к замене старой, погодной формы изложения историческим повествованием, составленным по единому плану и написанным единым стилем; в-третьих, к значительному расширению исторической тематики; в-четвертых, к привлечению новых исторических материалов, и, наконец, к усилению критической обработки используемых источников.⁶ Подводя общий итог тем существенным изменениям, которые произошли за это столетие, М. Н. Тихомиров писал: «Таким образом, новый период в русской истории, отмеченный В. И. Лениным, является и новым периодом в русской историографии, качественно отличным от более раннего времени».⁷

Со всем этим нельзя не согласиться. Но, спрашивается, настолько ли велики и существенны эти изменения, чтобы ставить вопрос о новом периоде в русской историографии уже в XVII в. в том смысле и значении, которое В. И. Ленин придавал XVII столетию в истории России?

Характерной особенностью русской исторической мысли в новый период жизни России являлось наличие двух видов исторических произведений: летописных и самостоятельных исторических опытов. Первые были написаны по «обычаям летописцев», т. е. в духе летописной традиции, вторые создавались «по порядку историков». Различие между этими двумя видами исторических произведений достаточно ясно понимали некоторые современники. Так, безымянный автор в своем роде настоящего теоретического руководства по написанию отечественной истории, условно названного нами «Историческим учением»,⁸ составленного на рубеже 70—80-х годов XVII в., отличал повести и летописцы, созданные «несовершенным описанием и не по обычаю историографов», от произведений, написанных по «чину историческому», «по обычаю историков».

Первая группа исторических произведений представлена поздними общерусскими летописными сводами, составленными в Москве и Новгороде, или, точнее, произведениями, в основу которых положены общерусские летописные своды летописного периода русской историографии, продолженные до современности (многочисленные местные летописцы с их провинциальной тематикой в счет не идут).

Вторая группа исторических произведений включает произведения, написанные «по обычаю историографов», т. е. как произведения нового типа. К ним обычно относят «Историю» Федора Грибоедова, «Синописис», «Историю Скифии» Лызлова и некоторые другие.

Типичным произведением нового типа, только внешне сохраняющим вид летописи, но по существу совершенно отходящим от старой летопис-

⁶ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 89—105.

⁷ Там же, стр. 90.

⁸ Оно было опубликовано Е. Е. Замысловским в книге «Царствование Федора Алексеевича» (ч. 1, СПб., 1871, Приложения, стр. XXXV—XLII) под неточным названием: «Предисловие к исторической книге, составленной по повелению царя Федора Алексеевича» (см.: ГПБ, F.IV.159). Из ознакомления с рукописью никак нельзя сделать вывод о том, что «Историческая книга», о которой говорил Е. Е. Замысловский, действительно есть то, что помещено после упомянутого «Предисловия».

ной традиции, М. Н. Тихомиров считает «Временник русский», известный во множестве списков, но совершенно не изученный в историографии.⁹

Правда, нужно признать, как это и делают А. Н. Насонов и С. Н. Азбелев, что летописные произведения XVII в. уже имели элементы исторического исследования, а нелетописные, как добавим, все еще были сильно похожи на летописи.

Но когда мы говорим о новых видах исторических произведений, появившихся в XVII в., то мы должны иметь в виду не столько замену летописной формы изложения повествовательной, сколько новое понимание истории со всеми вытекающими из этого методологическими и источноведческими приемами.

Все исторические произведения XVII в. еще очень далеки от науки. В них можно только наблюдать элементы научности. Эти элементы научной критики мы встречаем и в произведениях нового типа и в летописании Москвы и Новгорода конца XVII в. В них уживаются зародышевые средства научности с религиозным мировоззрением, теологическим и телелогическим объяснением истории. Но сам факт сосуществования попыток научного подхода к объяснению истории с религиозным миропониманием уже все-таки являлся шагом вперед. Светская, гражданская идеология вытесняла церковную. Постепенно начавшееся изгнание божественной воли и дьявольских козней в качестве монопольного объяснения истории и замена средневековой схоластики попытками установления причинной взаимосвязи событий, психологическим объяснением деятельности исторических персонажей явились преддверием науки.

Таким образом, XVII в., а точнее — время примерно со второй половины XVI в. до начала XVIII столетия включительно являлось, по нашему мнению, переходным периодом от донаучного знания к научному, т. е. к историческим произведениям с философией истории и критикой.

Поэтому полагаем, что нельзя правильно понять закономерностей развития исторической мысли в России XVII столетия без признания переходного периода в русской историографии, растянувшегося почти на два столетия. После пяти веков господства летописания переход к научной разработке истории не мог произойти в более короткий исторический срок, тем более в стране, которая в социально-экономическом и культурном развитии отставала от передовых европейских держав.

Для того чтобы правильно подойти к характеристике исторических произведений конца XVII—начала XVIII в., нужно не только уяснить разницу между донаучными и научными историческими трудами, но и признать различие между летописанием периода летописной историографии и летописанием позднего времени, начиная примерно со второй половины XVI в. Можно предположить, что уже в огромных сводах того времени, таких, как Никоновский, известия, встречающиеся только в них, зависели не столько от предполагаемых источников, до нас не дошедших, сколько от домыслов авторов этих произведений. Если фантазии историописателей XVII в. в объяснении древнейших судеб русского народа все меньше и меньше принимаются во внимание современными исследователями эпохи древней Руси, то к известиям XVI в. о тех же далеких сюжетах отечественной истории можно отнести с таким же недоверием.

⁹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 94. — Н. Тихомиров ссылается на рукопись Исторического Музея в Москве, Отдел рукописных и старопечатных книг, Музейное собрание, № 1473. Одну из редакций «Временника» знал Н. М. Карамзин и использовал ее в «Истории государства Российского».

Высказанная мысль не так уж нова, но повторить ее, пожалуй, необходимо, ввиду того что некоторые исследователи не совсем четко отделяют время классического летописания от летописания позднейшего. Лет 15 назад Л. В. Черепнин в интересной статье об историографии XVII в. высказал мысль о том, что недостаточная изученность позднего летописания объясняется малой источниковедческой ценностью летописей этого века благодаря наличию большого количества документального актового материала.¹⁰ Однако такое толкование не объясняет всего. Дело в том, что историки русского летописания, такие, как А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, считали позднейшие летописи (XVI—XVII вв.) принципиально отличными от древнерусского летописания и занимались поэтому ими сравнительно мало. В связи с этим необходимо отвести упрек от М. Д. Приселкова в отношении использования им малого количества летописных памятников, сделанный в его адрес А. Н. Насоновым.¹¹ Нельзя не напомнить, что М. Д. Приселков в труде «История русского летописания XI—XV вв.» (Л., 1940) имел в виду только те летописные списки XIV—XVIII вв., которые содержат тексты сводов XI—XV вв. Справедливости ради надо учесть и успехи советской исторической науки за последние 15—20 лет, в том числе в изучении позднего летописания, позволившие А. Н. Насонову оперировать летописным фондом, превышающим тысячу единиц.

Статья А. Н. Насонова «Летописные памятники хранилищ Москвы» может внести серьезные коррективы в представление о времени окончания летописания только в том случае, если подтвердится заключение автора об официальном характере летописания в первой четверти XVIII в. Выводы А. Н. Насонова требуют проверки не только в свете общих рассуждений о конце летописания в России, но и в плане выяснения всей совокупности развития и распространения исторических знаний в нашей стране в первой четверти XVIII в.

В конце XVII—начале XVIII в. в условиях петровских преобразований и Северной войны исторические знания приобретали особое значение в общественной жизни России. Они обслуживали интересы дипломатии и военного дела, законодательства и публицистики, церкви и раскольников, правительства и антипетровской оппозиции. Нет необходимости в рамках короткой статьи останавливаться на выяснении роли истории в общественной жизни, но следует, быть может, только напомнить о том, что почти ни один важный государственный законодательный акт в ту пору не обходился без соответствующего исторического обоснования.

Развитию и распространению исторических знаний в России успешно содействовал печатный станок. Русский читатель впервые получил возможность держать в руках печатные книги светского содержания. Правда, исторические произведения в рукописях долго продолжали успешно конкурировать с печатной продукцией. Например, книга Катиоро «История Петра Великого», вышедшая на итальянском языке в 1736 г. и переведенная на русский язык Писаревым в 1743 г., в рукописях XVIII в. встречается десятками в библиотечных хранилищах.

Историческая работа в первой четверти XVIII в. шла главным образом по двум направлениям: по пути создания общих работ по истории России, доводимых до настоящего времени, и по линии написания современной истории России, точнее, истории Петра или истории Северной войны.

¹⁰ Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века. — Изз, т. 14. М., 1945, стр. 81.

¹¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники . . . , стр. 281.

К первому типу трудов следует отнести «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева и оставшееся до сих пор в рукописи произведение под названием «История о владении российских великих князей вкратце», автором которого можно признать Федора Поликарпова.

Ко второму типу причислим сравнительно многочисленные произведения, посвященные истории Северной войны или царствованию Петра I: «Книгу Марсову» (первоначальный вариант собрания документов — 1713 г.), работу Г. Гюйсена (Гизена) «Журнал государя Петра I» (1715 г.), книгу П. П. Шафирова «Рассуждение о причинах Свейской войны» (1716 г.), книгу Феофана Прокоповича «История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской победы» (задуманную к десятилетию основания Петербурга, но завершленную им, правда не окончательно, в 20-х годах), работу Галларта (Алларта) «Историческое описание Северной войны с 1699 до 1721 гг.» (доведенную до смерти Карла XII), ряд опытов Б. И. Куракина и др. Известные произведения С. Медведева и А. А. Матвеева и «Записки» других авторов конца XVII—первой четверти XVIII в., несмотря на хронологически ограниченную тематику, необходимо отнести сюда же. Наконец, самым крупным историческим произведением своего времени, имеющим значение государственного предприятия, явилась «Гистория Шведкой войны», известная в печатном издании под позднейшим названием как «Журнал, или подневная записка, императора Петра Великого».

Все эти произведения достаточно далеки от образцов летописной поры, хотя и близки к летописям по форме. Но нужно учесть, что общее в форме идет не только и, пожалуй, не столько от летописной традиции, сколько от хроники современных событий — дневников, записок, статейных списков, походных журналов и тому подобной официальной и служебной документации.

Что касается «Ядра Российской истории»,¹² написанного по личной инициативе А. И. Манкиева секретарем русского посла в Швеции князем А. Я. Хилковым, то относить его к произведениям летописного типа также нет никаких оснований. Это давно признано современной историографией.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в первой четверти XVIII в. господствует не летописная традиция, а произведения нового, нелетописного типа.

«Историю о владении российских великих князей вкратце», которую можно считать работой Федора Поликарпова, также затрудняемся отнести к трудам летописной школы. О работе Ф. Поликарпова над составлением «Истории» по поручению Петра I известно в литературе давно.¹³ Еще в 1708 г. он должен был написать в качестве пробы о событиях за пятилетний срок в двух вариантах: пространно и кратко. Предполагалось, что Ф. Поликарпов осветит события новой и новейшей истории России начи-

¹² «Ядру Российской истории» в исторической литературе не повезло. Г. Ф. Миллер при издании книги приписал авторство А. Я. Хилкову. «Очерки истории исторической науки в СССР» (стр. 174) и Л. В. Черепнин в «Русской историографии до XIX века» (Изд. МГУ, 1957, стр. 141) считают, что А. И. Манкиев писал по поручению Петра. В действительности, как свидетельствует сам автор, дела и победы Петра I «повелели» ему взяться за исторический труд в шведском плену. См. текст посвящения А. И. Манкиева Петру I у С. М. Соловьева, писателя русской истории (Собрание сочинений. Изд. «Общественная польза», СПб., 6 г., стлб. 1317).

¹³ См., например: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV. Изд. «Общественная польза», СПб., в гл. стлб. 15, 241; П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 317; Письма и бумаги Петра Великого, т. VIII, в. 2. М., 1951, стр. 938; ср.: А. Н. Насонов. Летописные памятники... стр. 281—283).

ная от Василия Ивановича (III) до современности. Поликарпов работал медленно и малоуспешно. Свидетельству, приведенному у И. И. Голикова (от 2 января 1716 г.),¹⁴ о неблагоприятной оценке Петром I труда Федора Поликарпова можно вполне доверять, так как мы располагаем рукописями «Истории», законченной 16 марта 1715 г.¹⁵

Рукопись БАН, 32.6.30 нет оснований не считать трудом Ф. Поликарпова. А. И. Мусин-Пушкин, сообщая Ф. Поликарпову мнение Петра о его «Истории», в частности, писал: «История твоя и лексикон, хотя и не очень благоугодны были...».¹⁶ Обратим внимание, что в рукописи БАН, 32.6.30 «История» и «Лексикон» органически слиты. «Лексикон вокабулам новым по алфавиту» (на лл. 380—391) должен был помочь читателю разобраться в тех иностранных словах и выражениях, употреблявшихся в официальных документах, к которым обращался и сам Ф. Поликарпов при составлении «Истории».

Что представлял собой труд Ф. Поликарпова?

«История о владении российских великих князей вкратце, о царствовании же десяти российских царей, а наипаче всероссийского монарха Петра Алексеевича (тем именем) Первого и его войне против свейского короля Карола второго на десять пространнее описующая», как видно уже из заглавия, делится на три части. 1-я часть начиналась обычным сюжетом историографии — «началом и произведением народа и языка славянского» и заканчивалась серединой XVI в. Она была написана сокращенно и заняла всего лишь около 30 листов. 2-я часть была отведена истории до воцарения дома Романовых и уже заняла около 280 листов. Последняя, 3-я часть начиналась правлением Михаила Федоровича и заканчивалась 1710 г. На нее отводилось несколько меньше 200 листов, из коих описание Северной войны занимало почти половину, т. е. примерно $\frac{1}{5}$ часть всей работы.

Как видно из текста, Федор Поликарпов готовил свою книгу к 30-летию правления Петра, т. е. к 1712 г. Написана она была позже и, по-видимому, позднее подверглась переработке, которая, однако, завершена не была. На полях мы встречаем многочисленные дополнения о событиях отечественной и европейской истории; некоторые из них не лишены интереса.

Можно убедиться, что автор неплохо разбирался в ценности различных источников, необходимых для составления истории Северной войны. Жалуюсь на то, что ему были доступны «только печатные реляции»,¹⁷ Федор Поликарпов ссылался на те исторические документы, о существовании которых он знал, но привлечь их для своей работы не смог. Это были походные журналы наиболее видных военных руководителей: самого Петра I, Меньшикова, генерал-адмирала Апраксина и др. Ф. Поликарпов пользовался только печатными реляциями о взятии Нотебурга, Нарвы, сражениях при Лесной и под Полтавой, взятии Выборга, Риги и Ревеля.

Как видно, труд Федора Поликарпова не мог удовлетворить Петра и его окружение прежде всего потому, что о современных событиях, особенно связанных с Северной войной, он писал и кратко и без достаточного ис-

¹⁴ Дополнения к деяниям Петра Великого, т. XI, М., 1794, стр. 7—8.

¹⁵ БАН, 32.6.30, рукопись на 508 лл. В конце ее читаем: «Сие краткое собрание истории Российской совершися в лето» 16 марта 1715 г. О ней см.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, в. 1, XVIII век. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 99, 409 (№ 78).

¹⁶ См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, стлб 241; ЦГАДА. Кабинет Петра I, отд. II, кн. 34, л. 108.

¹⁷ БАН, 32.6.30, л. 505.

точниковедческого обоснования. Его произведение не идет ни в какое сравнение с работой Гюйссена, с произведением Феофана Прокоповича или с книгой Шафирова.¹⁸

В качестве положительной стороны труда Поликарпова нужно отметить интерес автора к событиям невоенной истории. Он систематически следит за всеми противоположительными выступлениями; дает описание восстаний Болотникова, Разина, которого называет вторым Аттилой; добавляет известие о деле Григория Талицкого и сетует, что ему не пришлось достать подробного журнала Долгорукого о борьбе против булавинцев.

Как видно, Ф. Поликарпов не был обеспечен необходимой официальной документацией. Его произведение не являлось официальным летописным сводом Петровского времени не только потому, что оно не было летописью, но и потому, что правительство не посчитало необходимым обеспечить Поликарпова всеми необходимыми официальными материалами, как это делалось в других случаях.

Рукопись, обнаруженную А. Н. Насоновым в ЦГАДА (ф. 181, № 849),¹⁹ можно считать подготовительными материалами для работы Ф. Поликарпова. В рукописи БАН встречаем такие же многочисленные записи о пожарах и другие материалы, указанные А. Н. Насоновым.

В данной статье мы не имеем возможности останавливаться на самой серьезной исторической работе первой четверти XVIII в., имеющей государственной размах и значение, — «Истории Шведской войны», известной под позднейшим названием в издании М. М. Щербатова как «Журнал, или поденная записка, императора Петра Великого», в составлении и редактировании которой принимал участие авторитетный коллектив авторов во главе с Петром I. Напомним, что это произведение охватывало только годы Северной войны. Но Петр не отказывался от мысли иметь полную историю России, доведенную до современности, или по крайней мере историю своего царствования. Позволим себе не ссылаться на известные факты и исторические опыты, подтверждающие высказанное положение, только остановимся на чрезвычайно интересном документе, свидетельствующем о намерениях Петра I в этом отношении. А. Н. Насонов впервые опубликовал документ, принадлежащий, по его мнению и соображениям Е. П. Подъяпольской, Петру, в котором достаточно определенно выражено решение Петра I продолжить официальную историю Северной войны, превратив ее в историю России нового и новейшего времени.²⁰ Как видно, Петр I предполагал начать «Историю» с царствования по крайней мере династии Романовых и детально остановиться на описании Азовских походов и стрелецкого восстания 1698 г. Точно датировать данный документ мы не можем, но если учесть, что в нем упоминается «книга что делал Ф. Поликарпов» и «прошлогодкой журнал о компании» (морской), то можно его отнести ко времени не раньше 1715—1716 гг. и не позже окончания Северной войны. У нас имеются сведения, что в 1719 г. президент Коллегии иностранных дел Г. В. Головкин послал по поручению Петра А. В. Макарову «Краткий летописец, или выписку о житии великих князей Российских до государствования царя Ивана Васильевича», сделанный на основании Степенной книги. Интересно отметить, что Степен-

¹⁸ Ф. Поликарпов, например, молчит о причинах Северной войны, ограничиваясь кратким замечанием о «многих неправдах» и пр.

¹⁹ А. Н. Насонов. Летописные памятники. . ., стр. 282. — Об известной распространности произведения Ф. Поликарпова может подтвердить рукопись ГБЛ, Музейное собр., № 4648 на 396 лл. В ней имеется такая же помета, как и в рукописи БАН, 32.6.30: «совершился в лето 1715 г., марта в 16 день».

²⁰ А. Н. Насонов. Летописные памятники. . ., стр. 283—284.

ная книга подверглась примерно такой же переработке, какую значительно позже предпринял В. Н. Татищев, сокращая «избыточные речения» в Степенной книге, принадлежащей Урусову. Уже во втором десятилетии XVIII в. составители выписки из Степенной также выпустили «многие излишества, которые к сей истории не приличны».²¹

Рукописи, использованные А. Н. Насоновым, являются наглядным доказательством того, что указание Петра о расширении хронологических рамок официальной истории было реализовано. Вполне вероятно предположение А. Н. Насонова, что автором произведения, находящегося в рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 358 является Г. Скорняков-Писарев, так как известно, что Петр в 1722 г. поручал ему «сочинить книгу летописец» (слова принадлежат Г. Скорнякову-Писареву).²² В ней видим все те сюжеты, которые имел в виду Петр (см. выше): Азовские походы, стрелецкое восстание 1698 г. и пр. Однако можно высказать и другое предположение. Официальные документы свидетельствуют о том, что после смерти Петра I мысль написать дополнение к «Истории Шведской войны» («Журнал, или подневная записка, императора Петра Великого»), охватывающее все царствование покойного императора, не была оставлена. В указе П. П. Шафирову от 19 мая 1725 г. ясно говорилось: «сочинить историю от дней рождения» Петра I «до 1700 года или до начала Северной войны».²³

П. П. Шафиров наметил широкий план подготовительных работ.²⁴ Он думал начать «Историю» примерно с воцарения дома Романовых (коротко) и особо остановиться на событиях правления Петра I, начиная от его рождения до 1700 г., т. е. до начала «истории, которая в Кабинете сбирана».

С. М. Соловьев высказал соображение о неподготовленности известного дипломата к составлению «Истории» на том основании, что П. П. Шафиров, вместо того чтобы самостоятельно извлечь из источников необходимые для работы сведения, обращался к правительству с рядом вопросов, имеющих прямое отношение к задуманному труду.²⁵ Но дело в том, что П. П. Шафиров хорошо был знаком с теми материалами для современной истории, которые находились в Кабинете Петра I, и поэтому запрашивал их. Упоминаемая им «История» — это «История Шведской войны» («Журнал, или подневная записка, императора Петра Великого»), почти законченная к 1725 г.

В данное время мы затрудняемся определить степень участия Г. Скорнякова-Писарева и П. П. Шафирова в составлении предыстории Северной войны, или истории правления Петра до начала ее.

В заключение следует сказать, что новые материалы и наблюдения последнего времени не дают достаточно серьезных оснований для пересмотра датировки летописного периода русской историографии, окончившегося в XVI в. Сосуществование летописных и нелетописных произве-

²¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, стлб. 241.

²² А. Н. Насонов. Летописные памятники..., стр. 280—282; см.: П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. I, стр. 319.

²³ Именной указ Екатерины I, объявленный из Сената от 19 мая 1725 г., возлагал составление истории Петра на П. П. Шафирова (см.: ПСС, № 4721). Указ из канцелярии Правительствующего Сената был послан в контору Сенатского правления в Москву. Соответствующие распоряжения о сборе необходимых материалов для работы П. П. Шафирова были посланы Артиллерийской коллегии и коллежским конторам и канцеляриям в Москве (РО ГБЛ, ф. 310, № 10, лл. 57, 58, 23, 24).

²⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, стлб. 905—907.

²⁵ Там же.

дений в XVII столетии не может служить доводом в пользу расширения хронологических рамок летописного периода русской историографии. Повторим, что в XVII в. «государственное значение летописания гаснет» (Д. С. Лихачев).

Выводы и материалы о развитии исторических знаний в XVII в., введенные в научный оборот за последние годы М. Н. Тихомировым, Л. В. Черепниным, А. Н. Насоновым, С. Н. Азбелевым и др., вносят значительные коррективы в представление о конкретном развитии исторических знаний в России в ту пору, но не изменяют общей характеристики XVII столетия как нового периода в отечественной историографии (М. Н. Тихомиров).

Этот период мы называем переходным от летописного к произведениям нового типа, написанным с философией истории и критикой.

Так называемые петровские летописцы уже не являются летописными произведениями старого типа. Они задуманы и исполнены как дополнение к истории Северной войны или всего царствования Петра.

Форма произведений первой четверти XVIII в. восходит не столько к летописной традиции, сколько к служебной и деловой документации: статейным спискам, походным журналам, запискам и пр.
